

Пролог

КАМНИ ОСНОВАНИЯ

Камни в основание будут положены руками Огненосцев, и только затем Строители возведут над ними здание — первое в новом городе...

Когда свободный народ пришел сюда, в прекрасное это место, где неспешно несла свои воды широкая река, где всегда было тепло, зеленели деревья и трава, поля давали урожай, а сады плодоносили, не нуждаясь ни в куполе, ни в обогреве; когда ступили на эту землю, пройдя долгий путь из холодных бескрайних просторов севера, оставив позади Убежище, — людей встретил город Древнего, его восхитительные строения. Дворец, равный по площади четверти всего Города Огней под куполом, сотворен был с таким искусством, что Строители плакали, когда его разрушали Повелители Стихий по приказу Огненосцев. Но все это принадлежало когда-то Врагу, и построено было в его честь: великолепные храмы с белоснежными колоннами, уходящими в небо, статуи высотой в три человеческих роста, фонтаны, удивляющие волшебным танцем воды. Их создали Имеющие Дар, но не Братья и Сестры, а отдавшиеся Врагу... Не только своею Силою возводили они этот город, но и его отравленным могуществом. И Огненосцы вынесли решение — не оставить здесь камня на камне. Эта земля принадлежит теперь свободному народу, и свободный народ очистит ее!

Четыре дюжины Разрушающих выступили, сметая с земли следы прекрасных строений. Сломались колонны храмов, и разрушительная волна уничтожила дворец, пали статуи, превратились в руины фонтаны, а обломки пожрал очищающий огонь. И здесь, на пепелище, они возведут но-

вый Город Огней, свой город. И Тойя верила, что он будет еще прекраснее.

Огненосцев было семеро, каждый положит в основание по камню, но еще два — за павших в их войне... За тех, без кого народ никогда бы не пришел в этот теплый приветливый край, никогда не возвел бы здесь город. Враг хотел смести их с лица земли, уничтожить даже воспоминания о свободном народе, он загнал их в холодные и суровые просторы севера, но, видя, что и там они выжили в Городе-Убежище, разгневался и пошел на них войною... на свою погибель...

И цена за свободу уплачена сполна: кровь и боль, страх и гнев, горе... жизни Братьев и Сестер, жизни Огненосцев...

Тойя взяла в руку свой камень, вспоминая, какой путь пришлось пройти ей, какую цену заплатить...

За Тойей пришли Братья. Сегодня она покинет родительский дом навсегда и станет Сестрой. Она родилась такой, но только семь дней назад и Тойя, и ее отец с матерью узнали, что она — Имеющая Дар. Более того, она — Огненица: та, кто не даст ночи войти в Город; та, кто не позволит холоду остановить жизнь в Убежище; та, кто вместе с другими одной рукой согревает, а другой обороняет.

Тойя сидела на носилках, поднятых на плечи шестерыми Братьями, а седьмой шел впереди, возвещая всем, что открылась Имеющая Дар, явилась миру Огненица. Жители Города Огней ликovali, бросая лепестки цветов перед идущими и воспевая гимны Создателю и его Свету.

Ее несли к Дому Братьев и Сестер: тех, в ком Дар, кто создал здесь в Убежище все: купол, окружающий Город Огней, дома, в которых живут люди, дворцы и фонтаны, которыми все любят, сады и поля, питающие их, и конечно же огонь, что согревает в вечной мерзлоте, и свет, заменяющий солнце долгой ночью.

Сколько уже длилась эта ночь... Тьма окружала их мир со всех сторон, но сегодня над городом волшебное сияние, называемое Радость Создателя. Огненосцы убавили свет под куполом, и стало видно зеленое сверкающее полотно, дрожащее и перетекающее волнами в небе. Хороший знак в день ее посвящения. Глядеть на столь прекрасное чудо мож-

но часами, забыв обо всем на свете. И Тойя думает, может ли кто из Огненосцев соткать подобный свет?

Сестры встретили Тойю, уводя в Дом, здесь они снимут ее одежду, что носила она у отца и матери, омоют ее тело и облачат в красное — цвет Повелителей Огня.

Восемь старших встречали Тойю, улыбаясь и приветствуя новую Сестру и новую Огненицу — теперь одну из них, девятую.

— Я земное солнце, сияющее во тьме, — повторяла Тойя клятву, выученную в Доме Имеющих Дар, — пока спит небесное. Я огонь, пылающий в очаге для матери и отца, для сына и дочери, для старца и для старицы, для Имеющих Дар и не имеющих. Пока я сияю, роду человеческому не положат конец холод и тьма. Пока горит мой огонь, Враг не войдет в Город. Одной рукой я создам огонь, чтоб обогреть людей, другой рукой я создам огонь, чтоб поразить Врага и порождения его. Не восплает мой огонь во зло и не поглотит мой свет тьма.

И жители Убежища преклонили колени перед ней, Братья и Сестры склонились перед ней, и только Повелители-Огненицы стояли.

— Приветствуем тебя, избранная огнем жизни! — сказал один из Повелителей — Этас; его волосы — словно пламя, которым он владеет, а глаза — как небо в безоблачный день.

Этас... свет ее жизни... огонь ее сердца. Тойя лежала на его груди, и его рука обнимала ее... много лет прошло с тех пор, как он впервые поприветствовал ее. Теперь все знают, что эти двое Огненосцев — как один. Он и она...

В тот день вновь сияние было над городом, и они с любимым вышли на балкон, чтобы любоваться песней неба. И в тот день пришла война. Разведчики доложили, что Враг идет с юга, идет во главе огромной армии его слуг-смаргов, ведет за собою тысячи и тысячи своих псов. Радость Создателя — добрый знак в небе, стала тогда Его плачем... Затрубили боевые горны, и свободный народ, все до единого, способные держать в руках оружие, имеющие Дар и не имеющие, облачились в теплые одежды, чтобы защититься от хо-

лода, и в сталь, чтобы уберечься от стрелы и меча, и выступили навстречу Врагу. Никогда не войдет он в Город-Убежище победителем!

Тойя сражалась рядом с Этасом, ее поражающий огонь и его истребляющие молнии пожинали вместе обильный урожай. Смарги валились один за другим, но их было много, слишком много. А Врагу ни огонь, ни молнии, ни стрелы... ни мечи, что выкованы особым образом, — не вредили...

Повелевающие псами из свободного народа заградили пасти зверям Древнего, и это дало возможность Братьям и Сестрам — Воинам Мечей и Стрелкам беспрепятственно истреблять вражеские армии.

А затем свободный народ отступил, и Разрушители единым ударом разверзли землю под ногами тысяч и тысяч смаргов. Океан вырвался из разлома, поглощая их уродливые тела.

И самые смелые из Братьев вышли навстречу Врагу, надели на него оковы и смогли его пленить. Оковы эти долгое время ковали Создающие Оружие, пять Даров было вложено в них: Сила Связывающих — Строителей, Разделяющих — особых Целителей, Разрушающих — повелевающих стихиями, Вдохновляющих, что владели музыкальными орудиями, и Пророков. В конце кровь Огненосца окропила оковы, и Сила слова оживила их, дала им могущество связать Врага. Его нога ступила в Город-Убежище не как завоевателя, а как пленника.

Долгие и долгие дни плененный Враг оставался среди них, в возведенной тюрьме тьмы, черные стены которой не пропускали свет к нему. Убить его никто из Имеющих Дар не мог. И Пророки собрались, чтобы найти способ, как уничтожить Врага и память о нем. Они размышляли целую луну, искали пути, искали средства. И в один из дней, когда солнце встало ото сна после долгой-долгой зимы и свет под куполом потушили за ненадобностью, Пророк Айол пришел к Повелителям свободного народа — Огненосцам.

— Мы нашли способ, — сказал он, — и способ этот схож с методом создания оков. Врага нельзя убить — он бессмертен

и неуязвим, но отправить его в забвение можно. Если пятеро соберутся вокруг него и призовут свои Дары, а Огненосец прольет немного своей крови на его кожу, то он уснет сном, похожим на смерть.

— Опасно ли это, Пророк? — спросила Инайса, одна из девяти.

— Нет, — ответил тот, — достаточно немного крови, и Враг уснет. Мы забудем о том, что он жил. Мы станем по-настоящему свободным народом!

А Этас, возлюбленный Тойи, сказал:

— Даже если для победы над Врагом потребовалась бы жизнь Огненосца, то стоит заплатить такую цену!

Горькие слова.

Огневолосый ее возлюбленный — тот, в ком свет ее жизни, тот, в ком огонь ее сердца, — вызвался, чтобы вместе с пятью Братями предать забвению Врага... И они вошли в его тюрьму...

Тойя видела, как лежит Этас. Будто устал... и прикрыл глаза на мгновение... «Почему же ты так бледен, возлюбленный мой? Почему, целуя тебя, не чувствую я твоего сладкого дыхания, почему, прижимаясь к твоей груди, не слышу я биения твоего сердца... почему сильные твои руки упали и не обнимают меня?.. Этас! Этас!.. Откликнись! Открой глаза! Поцелуй меня... Этас!..» Но огонь его потух... Навеки ушел его свет...

— Почему ты солгал, Пророк? — кричала Тойя. — Почему обманул? Ты сказал, что достаточно немного крови, но Враг забрал его жизнь!

И Айол не знал, как отвечать ей.

Тойя не помнила, — ей после о том поведали ее Сестры и Братья, — как упрекала она Пророка, как требовала ответа от него, как проклинала его за ошибку, за то, что не смог предусмотреть, что Этас... погибнет. Не помнила она и как выхватила меч Этаса и рубила стальное тело Врага, что лежал тут же, лежал без движения и без дыхания, но он был жив, а Этас... был мертв... Не помнила Тойя, как пыталась сжечь Врага огнем, как призывала молнии... и едва не сожгла и не

разрушила Город, и только оковы, что укрощали Имеющих Дар, остановили ее.

Когда выжившие Повелители Огня отправились в указанные Пророками места, где жили остальные Враги, по одному Огненосцу на каждого Древнего из семерых, — Тойя не могла ни думать, ни слышать, ни чувствовать. Но ее Братья и Сестры согласились, как и Этас, пожертвовать жизнями, если потребуется, ради спасения их народа и всего человеческого племени, они отправились каждый к своему Врагу, с которым предстояло им сразиться.

Со всеми Огненосцами было по пятеро Имеющих те Дары, что помогут погрузить Древних в сон, были с ними и Воины Меча, которые защитят их, и Исчезающие, что переместят их в нужное место.

Но Тойя осталась... А с какой радостью она положила бы тогда свою жизнь за дело всего мира... положила бы рядом с жизнью, отданной Этасом, чтобы вновь быть вместе с ним... «Этас... Этас... Почему не отвечаешь ты?..»

Погиб Огненосец Дажд, попав в ловушку Отдавшихся Врагу, и все, кто были с ним, а ей, Тойе, выпал шанс отправиться на свою битву. Ее кровь пролилась... но, увы, достаточно оказалось лишь половины чаши... она ослабела, Дар ее будто вытекал с пролитой кровью, но смерть отвернулась от нее, не желая воссоединить с Этасом... Еще один Враг — последний из восьмерых — уснул... И каждый человек на юге и на севере, на западе и на востоке теперь был свободен, вся земля теперь принадлежала им — людям, а прежде всего — свободному народу. Целый мир был у ног Тойи, но мир этот... без Этаса...

Тойя наклонилась, положив камень в основание нового города за себя, а затем положила еще один — за Этаса... «Огонь твой, возлюбленный... да не будет забыт... пусть пылает он в моем сердце, пусть согревает он мою душу... пусть обороняет он мой покой... Усни навеки в этом городе, новом Городе Огней...»

Глава 1

ЛИСТ В УРАГАНЕ

Элинаэль Кисам

В том, что у нее Дар Огней и всем об этом известно, было одно бесспорное преимущество — теперь для нее всегда в любое время открыты двери Сада на верхнем этаже Академии Силы. Притом еще разрешается приводить с собой друзей. И сегодня Элинаэль стояла у прозрачного купола вместе с Эдрал, вглядываясь в даль, в небо. С восточной стороны оно серое и угрюмое, зато на юге тонкие перистые облака белой пушистой пеной прикрыли глубокую синеву, а на западе эти же облака розовеют в лучах заходящего солнца.

Снаружи на террасе сейчас прохладно, а здесь, в Саду, царит вечное лето, цветут экзотические цветы, поют птицы, журчат ручьи, питающие водой все эти растения. Здесь самое лучшее место, какое только ей известно.

Эдрал тоже задумчиво смотрела куда-то вдаль, но вряд ли она любовалась небом, скорее девушку занимали обычные для нее мысли, что редко бывали радужными. Впрочем, Эдрал, несмотря на несколько мрачноватый взгляд на мир, оказалась не такой уж скучной и высокомерной, как показалась Элинаэль в самом начале.

— Я никогда не хотела стать такой, как мать, — продолжала Эдрал начатый разговор.

Ее мать, Мастер Инаси, была Одаренной и даже состояла в Большом Совете. Узнав, что ее дочь тоже отмечена Даром, она стала уделять девушке намного больше времени, чем раньше, это Эдрал не обрадовало, а, наоборот, огорчило. Мать разлучила ее с возлюбленным и отправила в Академию Силы, поставив условие, что Эдрал должна отучиться хотя бы два или три года, и лишь после этого она сможет выйти замуж.

— До того, как Дар развернулся, ей было все равно. Она почти не появлялась рядом со мной, и мы с Ишем, — так звали жениха Эдрал, — планировали нашу свадьбу. Но потом все изменилось. Я — Одаренная, увы...

— Почему же «увы»? — спросила Элинаэль.

— Не будь я Одаренной — была бы уже замужем и могла бы прожить со своим мужем простую и спокойную жизнь, вырастить детей, состариться...

— Ничего, время пролетит, и вы с Ишем поженитесь. Твоя жизнь будет прекрасной, я уверена! И к тому же долгой.

— Да, — Эдрал вздохнула, раздраженно тряхнула черными волнистыми локонами, — я переживу своего мужа, детей, внуков. Они будут стариться и умирать у меня на глазах... Какое в этом счастье?

— Но, может, у тебя родится Одаренный ребенок, сын или дочь, как ты у твоей матери.

— Я у матери восьмая дочь, а еще у нее было девять сыновей. И все, все до единого, мои братья и сестры давным-давно состарились и умерли, и их дети — мои племянники — тоже, даже их внуки сейчас старые и немощные. Мне больно смотреть на собственных внучатых племянников, еле передвигающихся от старости, а каково моей матери! Ты думаешь, почему Одаренные, чьими супругами были обычные люди, чаще всего не женятся и не выходят замуж снова? Это больно... так больно смотреть, как умирают, словно листья осенью, дорогие тебе люди...

Элинаэль молчала. Близкие ей люди тоже умерли. Она понимала, как это — терять того, кого любишь. Отца она не помнит, мать давно оставила этот мир... Кодонак, который стал ей как второй отец, далеко. Она одна. Зато у нее появились друзья...

— Но твой Дар может послужить другим.

— Может быть. — Эдрал фыркнула. — Ректор Исма тоже так говорит. А мать хочет, чтобы я держалась поближе к нему, она уверена, что только он может научить меня «видеть» как следует.

— Да, ведь он — Мастер Видящий, как и ты...

— Я еще не Мастер... когда-нибудь буду. — Едва заметная улыбка проскользнула в уголках губ подруги.

— Ты непременно станешь великим Мастером Силы, — подбодрила ее Элинаэль. — Каково это — видеть чей-то Дар? Как он выглядит?

— У каждого Одаренного свой Путь, и Дары выглядят по-разному. Дар — это как бы клубок из цветных нитей, свернутый, пока его не используют, а когда Дар проявляется, то нити эти растекаются по всему телу... Мне трудно описать. Например, Мастер Строитель. Его Дар в обычном состоянии — это жесткий, будто бы проволоочный клубок сероватого цвета. Расправляясь, нити движутся синхронно к пальцам обеих рук, они не текут, а растягиваются. У Целителя — это бегущие потоки голубой воды. Хотя у Иссимы... скорее кристаллы льда, а не жидкость. У Толкователя — фиолетовая мгла, а у Пророка в ней — мерцающие желтые звезды.

— А у меня? — спросила Элинаэль.

— Когда я увидела твой Путь Дара впервые, я не знала, что это. Он немного похож на алый огонь боевого Мастера, но не такой. Я вижу в тебе пылающее внутри прозрачной сферы пламя.

Эдрал повернулась к ней и улыбнулась, становясь необыкновенно симпатичной девушкой благодаря этой улыбке:

— Это красиво.

— Правда?

— Да. Очень!

Они замолчали, вновь погрузившись каждая в свои мысли.

Элинаэль слышала позади себя чьи-то шаги и шуршание ткани, оглянулась: по садовой дорожке, шла... нет, скорее плыла, подобрав юбку платья, Иссима — как всегда, с высоко поднятой головой.

— Я искала вас! — надменно заявила та, и Элинаэль заметила, что выглядит она раздраженной.

— Что-то случилось? — холодно спросила Эдрал, недолюбливающая Иссиму.

Элинаэль тоже не испытывала к надменной красавице особого тепла, но в последнее время Иссима так часто оказывалась рядом, что волей-неволей пришлось привыкнуть к ее обществу, тону, капризам. Надменные манеры праправнучки Верховного уже почти не выводили из себя.

— Случилось! — Иссима заняла место на скамейке, ожидая, что Элинаэль и Эдрал присоединятся к ней, и молчала, пока те не присели. — Мах. Шос. Тико. Тоше. И Марил, — произнесла она, делая паузу после каждого имени.

«Что она хочет сказать?» — Элинаэль пристально смотрела на Иссиму.

— Знаете таких? — Красавица спросила так, словно знать их было каким-то проступком.

Элинаэль не ответила, а Эдрал хмыкнула:

— Ну и что?

— А то, что эти пятеро влипли в историю! Не очень-то хорошую. И я надеюсь, что вы двое в ней никак не замешаны! — Это был тон матери, наставляющей на путь истинный своих непутевых дочерей, или, по крайней мере, покровительственный тон старшей сестры.

— Иссима! Говори прямо! — Эдрал подобный тон превращал в разъяренную тигрицу — напоминал ей о собственной матери.

— Вы знали, что они напали на Мастера Силы?

— Напали? — удивилась Элинаэль.

— Да! Шос сам признался мне в этом только что!

— На кого же они напали? — спросила Эдрал.

— На Итина Этаналья!

— Это тот, кто свидетельствовал?.. — узнала Элинаэль. Она смутно представляла, как выглядит Мастер Строитель, который рассказал об ущелье, так как находилась очень далеко от свидетеля в Зале суда, но имя его хорошо запомнила.

— Да, тот, кто свидетельствовал против Кодонака! — продолжила Иссима. — Они решили поквитаться с ним.

— Это глупость! — Элинаэль действительно так считала. Сам Мастер Этаналь объявил, что не обвиняет ни в чем Кодонака.

— Это *очень большая глупость*, которая может дорого им обойтись, если кто-то из Совета узнает!.. — прошипела Иссима. — А Мастер Этаналь, скорее всего, уже рассказал обо всем Совету. Кто станет терпеть, когда тебя угрожают убить?

— Что?! — Брови Эдрал взметнулись вверх.

— Они дошли до этого?! — Элинаэль заволновалась. В самом деле, серьезное происшествие!

— Да! Шос не только угрожал, но почти применил против него Силу! Вы понимаете, что это значит?!

— Что же делать? — Элинаэль вдруг заметила для себя, что Иссима тоже переживает за парней, хотя до сих пор всем своим видом показывала, что желает избавиться сама и избавить Элинаэль от их общества.

— Нужно идти к Итину Этаналю и вымаливать у него прощение! Я так и сказала Шосу. Но их нельзя отпускать одних, они наверняка только еще больше напугают Строителя. Нам придется отправиться с ними.

— Почему ты так беспокоишься о них? — Эдрал тоже заметила проявленное Иссимой необычное участие.

Иссима яростно сверкнула глазами, но тут же отвела взгляд, а Элинаэль, заметив вспышку ее замешательства, подумала, что девушка не так уж и холодна, как желает казаться. Ей не все равно.

— Потому что она знает — я ее об этом обязательно попрошу, — ответила Элинаэль подруге за Иссиму. Ответ понравился красавице, и та подтвердила:

— Да. Из-за Элинаэль. Я, конечно, против ее общения с дурной компанией, но Верховный просил меня помогать во всем Огненице. И будет не очень хорошо, если этих пятерых дураков обвинят в преступлении, а через много лет выяснится, что Мастер Огней водила с ними дружбу.

Эдрал ухмыльнулась, не поверив в такое объяснение, но ничего не сказала.

— Я думаю, что будет правильным попросить прощения у Мастера Этаналю, — резюмировала Элинаэль. — И ты права, Иссима, нельзя отпускать их одних. Мы возьмем с собой еще и Лючин с Хабаром, и все вместе отправимся к этому Строителю. Где он живет?

— Я выясню, — пообещала Иссима, — заодно разведая, что уже известно Совету об этом происшествии.

Ого Ку-Ту

В комнате, отведенной госпожой Миче для Рохо... Вирда, Ого не без труда нашел для себя закуток — низкий узкий табурет у стены напротив кровати, где лежит его друг. Здесь же, в комнате, неотлучно находятся Мастер Кодонак и Мас-

тер Наэль, а также радость его сердца — золотая мамочка Инал. Она ухаживает за Вирдом, как когда-то, в его детстве.

После того как Рохо... Вирд каким-то образом перенес его маму, Миху, Марза и еще тридцать четыре человека, в том числе всех детей, из Ары сюда, он не приходит в сознание. Уже вторую неделю так и лежит, тяжело, со свистом дыша, с напряженными руками, трясущимися время от времени. На его лице застыло такое выражение, словно с него живьем сдирают кожу.

Когда Ого смотрел на друга, сердце обливалось кровью. В течение этих двух недель Вирд таял просто на глазах и таким изможденным, как сейчас, не выглядел даже в худшие их дни у к'Хаэля Оргона.

Мастер Кодонак говорил, что он слишком много людей захватил с собой и как бы... надорвался, можно было только двоих. Но Ого знал Вирда: даже предупреди его заранее, что так будет, все равно он снова взял бы всех, кого перенес, а может, и больше. Лишь бы спасти их от рабства... пусть и ценой своей жизни...

Но смотреть, как он мучается, невыносимо. И даже всезнающий Гани Наэль и великий тарийский военачальник, не просто воин, а Одаренный Мастер Силы — Хатин Кодонак только руками разводят. Конечно же они пытались помочь другу: то укрывали его, чтобы он согрелся, то, наоборот, клали лед ему на лоб и грудь, поили какими-то травами, но все было бесполезно.

Мамочка Инал во всем этом участвовала, руководила слугами, давала не только советы, но, как и всякая кутийская мама, порой и распоряжения двум тарийским Мастерам, которые те, как ни странно, выполняли. Но все без толку...

Госпожа Миче, оказавшаяся очень доброй и отзывчивой старушкой, приняла на работу его маму, чтобы та помогала ей по дому, и приказала беспрепятственно пропускать Ого в комнату Вирда. Другим женщинам из Ары и их детям, а также Михе с Марзом, что стали парой, тоже нашлись пристанище и работа, не без помощи старой госпожи Миче. Они счастливы... свободны теперь, и беспокоит их лишь то, что Вирд до сих пор не пришел в себя.

Это волнует всех, а Ого — особенно. Кроме волнения, он

чувствует свою вину за состояние друга: ведь это он, Ого, упрекал Вирда в том, что Инал до сих пор в рабстве... И Вирд тогда еще замыслил спасти некоторых рабов. Ого и подумать не мог, что Вирд сделает такое... Но ведь сделал...

Мастер Наэль стоял у окна, потягивая вино из прозрачного красивого кубка. Как в Мастера влезают столько? А самое главное, как ему удастся ни капли не пьянеть? Его глаза внимательно следят за всем, что происходит в комнате, ни одной детали он не упустит, а если станет говорить, то все слова будут четкими и ясными. Вот бы Ого так...

Мастер Кодонак нервно постукивает себя по носу и кусает губы; он сидит в кресле, что у противоположной от окна стены, справа от кровати Вирда. Зачем-то он носит эту коричневую повязку с серой звездой... Ого слышал, что это повязка изгнанника. Но Мастер Кодонак — простой и честный человек, за что его могли изгнать? А о Вирде он беспокоится, словно родной отец. Вот и сейчас — переживает, нервничает...

— С этим парнем я скоро стану таким же седым, как ты, Наэль, — говорит Кодонак, улыбаясь лишь одной стороной рта.

— Я не седой! — вспыхивает Мастер Музыкант. — Мои волосы пепельного цвета и вовсе не седые! В Междуморье у многих такой цвет волос, Кодонак!

— Прости, Наэль! Я пошутил... Нервы на пределе. И ярываюсь между желанием убить его, когда он очнется, или склониться в почтении перед этим Мастером Путей, сожри его эфф... и поломай об него зубы... — Кодонак действительно в последнее время был не таким сдержанным, как в первые дни их с Ого знакомства, тогда он показался Ого скалой — хладнокровной и невозмутимой; теперь же нервозность проявляется во всем, он, даже разговаривая, стал так жестикулировать, что можно мух отгонять и создавать прохладу, если жарко.

— Я хоть и не Одаренный, — Наэль говорит холодно, лишь его глаза чуть-чуть улыбаются, в его тоне немного обиды, — и не такой мудрый и *старый*, как ты, Мастер Хатин... — пауза, чтобы шестидесятидвухлетний Кодонак оценил разницу в возрасте — хотя выглядят они одногодка-

ми, — но такое желание по отношению к Вирду часто посещает и меня.

— Боюсь, что придется все-таки склониться, так как убить его я вряд ли сумею, — говорит Кодонак. — И я уже не Мастер, Наэль.

— Мастер, не Мастер — лишь бы дело делал... Если с меня снять мой браслет, — он показывает серебряное украшение, что всегда на его левой руке, — я от того не забуду, как звучат ноты, и мелодии из меня тем не выбьешь. В Мастере Музыканте главное — владеть музыкальным орудием. И я им владею — с браслетом ли, без браслета!.. А что главное в Мастере Силы?

Кодонак долго удивленно и задумчиво смотрит на Наэля, потом говорит медленно:

— Владеть Даром... Контролировать Силу...

— И разве ты это утратил?

Ого прикрыл глаза; они о чем-то переругиваются и могут так до бесконечности. Он вспоминал, как рыбачил с Вирдом, как вместе они сочиняли песню для Михель, как мечтали убежать... И вот... убежали. Рохо был его лучшим другом: конечно, слишком умным для раба, но сердце у него доброе и своим превосходством он никогда не кичился. Плохо, что заболел...

— Сегодня уже пятнадцатый день, как он лежит вот... так... — тревожно говорит Гани Наэль. — В Пятилистнике я слышал об оттоках, были у меня Одаренные друзья... Но не о таком...

— Ты прав, — отвечает Кодонак. — Это что-то вроде оттока... Обычно, чем ярче Дар, тем сильнее отток. Мастеру мирного Пути трудно сдерживать свой Дар, он должен искать возможность и выплескивать его, отпущенная до конца Сила созидания не причинит ему вреда, а только наоборот. Хотя если он всегда будет делать то, чего требует Дар, то потеряет контроль над ним. Боевой же Мастер не должен как слишком долго сдерживать Дар, так и отпускать его до конца — и то и другое смертельно для него. Что случилось с Вирдом, я не знаю. Да и кто может сказать, как это бывает у Мастеров Путей? — Он нерадостно усмехнулся. — Отток — плата за могущество... Нечего не дается просто так, и оттоки

напоминают Одаренному, что он всего лишь человек и что использование Силы — не игра. А Вирд очень могуществен. Ему и цену придется платить гораздо большую.

— Две недели — это слишком долго... — говорит мама Ого.

— Да, Инал, слишком, — вздыхает Кодонак.

Тишина. И перед мысленным взором Ого мелькают картинки воспоминаний из его детства. Рохо еще не был «могущественным», как выражается Мастер Кодонак, но платить он всегда был готов, чтобы помочь кому-то. Он вспомнил, как Вирд согласился быть битым кухаркой вместо него, когда Ого увел у нее из-под носа пару медовых лепешек, приготовленных для этого борова Оргона-младшего, сожри его эфф... Рохо сказал, что это он украл, а не Ого... А все потому, что Ого тогда болел, был слаб. Рохо знал, что, отдубась его кухарка — он и ноги протянет... Сам, правда, потом еле ходил дня три. С тех пор они и на кухне больше не помогали, а там было неплохо... особенно по сравнению с полем, куда их потом отправили.

— Да что же!.. Ни искры, ни пламени! — вдруг раздается крик Кодонака, настолько громкий, что Ого подскакивает на месте и видит, как Мастер Кодонак двумя огромными прыжками пересекает комнату, устремившись к кровати Вирда.

Там, где лежал Рохо, сгустился плотный туман, который Кодонак захватывает полными пригоршнями, пытаясь схватить Вирда.

— Не смей! — орет он не своим голосом и ругается так, что даже Гани Наэль или Харт не смогли бы. — Раздери тебя!.. Да что ж ты такое!.. Куда?..

Туман рассеялся, а ложе Вирда осталось пустым... Мама Инал прикрыла руками рот в немом испуге.

Вирд исчез... Гани Наэль поднял брови и вопросительно смотрит на Кодонака, он даже кубок с вином отставил в сторону...

— Он переместился? — спросил Наэль, сощурив глаза.

Кодонак сел на кровать, где только что лежал в беспамятстве Вирд, и обхватил голову руками.

— Я уж думал, что хуже не будет, — сдавленно произнес он. — Переместился, и притом бессознательно.

— Куда? — снова спросил Мастер Музыкант.

— Понятия не имею, куда может его забросить. Хуже то, что он без сознания, а, значит, попади он в опасную ситуацию, не сможет себе помочь... — Кодонак обернулся к Наэлю — в его глазах бушевал ураган чувств: отчаяние, беспомощность, злость, беспокойство, непонимание. — Нужно было держать его за руку все это время!

Наэль только вздохнул.

Воцарилось молчание, и когда Кодонак вновь заговорил, его глаза были уже спокойнее; он встал, заложив руки за спину, принялся прохаживаться по комнате.

— Я думаю, что его может забросить туда, где он бывал раньше. В Ару, например. Или в Тарийский лес. Или в Город Огней.

— В Город Семи Огней? — удивился Наэль.

— Да. Ты не забыл, что он сын Асы Фаэля? Что родился в Городе Семи Огней и жил там до семи лет, а воспоминания детства обычно самые яркие? Вполне возможно, он там окажется бессознательно. А если он все же придет в себя, то переместится туда осознанно. Если где его и искать, то только в столице.

— А может, он все-таки вернется? — спросил Наэль.

— Сюда? Может быть. — Кодонак пожал плечами. — Но нужно предупредить Исму и Эниля. — Ого не знал, кто они такие. — Я напишу письма, а ты передашь их.

— Я? — Гани Наэль усмехнулся, вопросительно поднял брови, указывая на себя пальцем.

— Мне нельзя там появляться. — Кодонак дотронулся до своей повязки на лбу.

— Похоже, что мое путешествие в Город Семи Огней в комфорте, при помощи перемещения, отменяется. Да здравствует натертый седлом зад! — насмешливо воскликнул Наэль.

— К тому же ты сможешь рассказать больше, чем я. И мои письма, подтвержденные твоими словами, не будут выглядеть как послания безумца.

— Ха! А кто рассказывал о свидетельстве Би Досаха? Ему

все так и поверили! — возмутился Наэль, а Ого уже потерял нить их разговора.

— Ото Эниль и Киель Исма — те, кто поверят! Да и, в конце концов, ты не в суде будешь выступать! Просто передай письма и подтверди мои слова.

Мастер Наэль вздохнул, качая головой.

— Кодонак... Кодонак... Потухни мой огонь... Знал же я, что излишнее общение с Одаренными до добра не доведет... Ладно уж! Давай свои письма! Если Вирд в ближайшие два дня не вернется — поеду.

— Я с тобой! — выкрикнул Ого, и все уставились на него.

— Я тоже пойду, — пояснил он, — я попытаюсь отыскать Вирда. Ведь Вирд помог мне. Это из-за меня он отправился туда и...

— Хорошо! — прервал Наэль. — Ты тоже сгодишься. Еще пусть со мной идут утариец и Харт и, может быть, несколько солдат Агаята... Но за свой счет! — Музыкант выразительно посмотрел на Ого.

— Наэль, я бы оплатил твои расходы, но ты знаешь, что содержания я был лишен, а ничего своего у меня нет, — вмешался Кодонак. — Но Исма или Эниль не будут затруднены, если... Я упомяну об этом в письмах.

Наэль кивнул, довольно усмехаясь, и вернулся к кубку с вином.

Ого взглянул на свою золотую мамочку, она тоже смотрела на него и одобряюще улыбалась. Ого поступает правильно!

Алсая Ихани

Странная маленькая женщина из дикарей не была глупой. Ее рассуждения можно назвать наивными, у нее мало познаний о жизни цивилизованных людей, но она далеко не глупа. А может, безумна? Кто в своем уме станет рассказывать подобные вещи? А если все это произошло на самом деле, то можно ли увидеть такое и остаться в своем уме?

Алсая содрогалась при мысли, что она могла бы наблюдать, как неведомое существо уничтожает всех ее знакомых, близких... Проливает кровь. Остаться единственным жи-

вым человеком в поселении... Смотреть на смерть дорогих тебе людей...

Следовало немедленно рассказать Карею обо всем. Как можно скорее!

По-видимому, именно об этих событиях он и предупреждал. А если верить женщине — Ташани-без-племени, то кровавые убийства совершались не единожды, не только среди ее племени, но и продолжают совершаться, продвигаясь все дальше и дальше на юг.

Откуда знал об этом Карей? Это знание и было его ношей, той, что он не хотел перекладывать на ее хрупкие плечи? И сейчас, слушая женщину, Алсая была благодарна ему за это — Карей прав, слишком тяжел этот груз.

После той встречи с охотниками Карей показал Алсае места, куда можно было перемещаться, чтобы следить за движениями северных племен. Они побывали у скалы Рих, у перешейка, связывающего Северные земли с Ливадом, на земле без названия, формой на карте напоминающей растопыренную тигриную лапу, у Океана Ветров и в других точках, невероятно схожих между собой однообразием пейзажа, приметы которых были понятны только «прыгуну». В одну из таких точек Алсая и переместилась на исходе ночи. Она была удивлена большим скоплением Детей снегов — так они себя называли. Обычно дикари кочевали небольшими группами человек по сто—двести, не более. За несколько последних проведенных на мысе недель Алсая стала немного разбираться в их обычаях и образе жизни. О многом рассказал Карей, кое-что неохотно скупыми словами поведал Марто, что-то узнала и сама она, перемещаясь и наблюдая.

Алсая стала привыкать. К холоду, к сияющей белизне, даже к ночи, что пришла однажды и не уходила. Скорее всего, ее необычное спокойствие — это результат возможности видаться с Кареем раз в неделю и перемещаться сюда, в домик в рощах Ухта, когда ей угодно.

Встретить Ташани-без-племени Алсая не планировала, даже не надеялась на такую удачу; видно, сама судьба привела таинственную знахарку к ней. И вот Ата сидит в домишке в роще Ухта, где они обычно встречаются с Кареем, и говорит о таких страшных вещах.

Маленькая дикарка шокирована всем, что окружает ее сейчас. Она боится пошевелиться, постоянно оглядывается по сторонам, — разница между ее миром и тем, где она оказалась, слишком велика: все по-другому, начиная от солнца над головой и травой под ногами снаружи и заканчивая ковром и креслами вместо шкур внутри.

Алсае было жаль дикарку, она даже задумалась над тем, чтобы взять Ату с собой в башню Та-Мали, там бы нашлось место и занятие — хотя бы прислуживать Алсае. И можно было бы более подробно расспросить женщину о тех страшных событиях. Но когда она предложила это Ате, та возмутилась так, словно Алсая хотела выдернуть Дочь снегов не из холодного, мрачного, темного и дикого мира, а из уютного домика на берегу прекрасного озера Фаэнос. Ну что ж, у каждого свое представление о том, каким должен быть дом. Но как можно любить эту снежную неприветливую пустыню?..

До назначенного для встречи с Кареем часа оставалась еще добрая половина дня. А Ата уже начала нервничать и просить переместить ее обратно. На ее лбу выступил пот, ей жарко здесь в этом меховом платье-рубаше. А Алсае не нравилось мучить людей, поэтому она еще раз спросила, не нужно ли чего Ате, и стала готовиться к перемещению.

Черкнула пару строк для Карея и оставила в условленном месте — в скрытом от случайных взглядов тайнике за камином. «Я встретилась с Ташани-без-племени, той самой. Ее рассказ внушает ужас. Надеюсь, что вечером я смогу передать тебе подробности этой беседы при личной встрече. Не дождусь... Люблю. *Твоя Алсая*».

Алсая положила руки на плечи Аты, их окутал такой привычный молочный искрящийся туман...

Когда они вновь оказались у стойбища, Алсая это место не узнала: в небе горел пожар, вспыхивали алые огни, перекатывались сияющие нити... Такого волнующего и захватывающего зрелища, пробуждающего к тому же в ней глубинный ужас, никогда раньше ей видеть не доводилось. В небе над тундрой извивались красные змеи, они переливались, превращаясь в зеленый ураган, растекались по всему небу и вновь становились алым заревом вдалеке.

— Что это? — прошептала изумленная Алсая.

— Сияние... Песнь севера! Плохой знак, — мрачно, уверенно ответила Ата; здесь она перестала быть маленькой дикаркой и превратилась в мудрую женщину из племени Детей снегов, которая может повелевать вождями.

Ата выглядела очень взволнованной, вглядываясь в даль, туда, где, освещенные небесным огнем, стояли темные хижины. Алсая тоже обеспокоилась — слишком тихо здесь. Она ведь появилась перед стойбищем под утро и сейчас уже далеко за полдень — люди должны были уже давно проснуться и покинуть дома. И оленей, что стояли здесь утром, разгребая копытами стоптанный снег и выискивая что-то под ним, нигде не было видно. Может, их погнали на выпас? В снегах?

Ата быстрым шагом направилась к жилищам, и Алсая почему-то последовала за ней, хотя можно было бы возвращаться — ее дела завершены...

Сердце колотится в недобром предчувствии, на ладонях под рукавицами выступил холодный пот.

Людей нет. Никого. Тихо.

И вдруг... Ата разворачивается к ней и говорит так, что сердце Алсаи падает куда-то вниз, и такой жуткий холод пробирает ее до костей, словно она обнажена на морозе.

— *Он* здесь!

Алсая поднимает глаза и видит...

Очень высокий человек, не меньше десяти футов. Это мужчина... Настолько красивый, что даже Карей меркнет рядом с ним... Правильные, четкие черты лица, совершенные линии скул, подбородка, губ, носа... Большие бледные глаза, радужной оболочки нет, а зрачки — как сгусток крови... Его тело также совершенно: выступающие мускулы, медная гладкая кожа, широкие плечи и узкие бедра. Он почти обнажен... на таком-то морозе?! Но ему не холодно, его движения плавные, уверенные, эти движения напоминают танец сияния в небе. Черные прямые волосы ниспадают до самой земли, словно шелковый плащ. Ногти похожи на кинжалы... Он смотрит прямо на Алсаю, и губ касается улыбка... а глаза холодны, как сердце севера.

Алсаю сковал ужас... ужас, сплетенный из льда, заморозивший ее кровь, тело, глаза и голос... Кто он такой?

Алсаю кто-то тянет за рукав, и она с огромным трудом отводит взгляд от бесцветных жестоких глаз... И только тут замечает, что все вокруг... в крови... Тела тех, кто были Дети-ми снегов, свалены в кучи, похожие издали на их жилища... Мерзкие огромные существа, лишь отдаленно напоминающие людей, рыскают по стойбищу. За спиною у *Него* сидят, сбившись в кучу, несколько сотен женщин, сидят молча, не двигаясь и даже не плача, но они живы.

Существо плавно двинулось к Алсае и Ате. Ташани сжала кулаки и зубы, казалось, что она кинется сейчас на него... как дикая кошка, вцепится зубами и когтями в обнаженную плоть....

Алсая вспомнила... с огромным трудом, преодолев ощущение ужаса, вспомнила, *кто* она, ухватила женщину за руку и призвала Дар.

В последнее мгновение ногти-кинжалы страшного создания метнулись в воздухе, разрезая туман перемещения, и задела Алсаю. На ее белой шубе выступила алая кровь... и только потом пришла боль...

Вирд Фазль

Туман не уходил, и боль не отступала. Прошла вечность... или мгновение. Боль терзала его грудь, рвала его жилы, дробила кости... Такая боль должна была давно убить его, раздавить своей неистовой мощью, как насекомое. Но она предпочла терзать, а не убивать... Он чувствовал себя грудой костей и мяса без формы, без кожи... без имени... умирающий, но живой. Пламя, разгоревшееся где-то внутри, потеряло контроль, вырвалось и жгло... жгло его, оставляя пепел, хранящий память о безумии огня, а затем он вновь чудом обретал плоть, и пламя разгоралось снова. Он был листом, попавшим в ураган, он был песчинкой на дне, на которую давит толща океана, он был пеной в волне, что разбилась о берег. Он был металлом, переплавляемым в горне. Он хотел умереть, но был жив... Если бы он не был жив, то не чувствовал бы такой боли.

Боль терзала и душу, вырывала сердце. Тысячи голосов кричали ему. Молили его. Их слезы были океаном, в котором он тонул. Их глаза были звездным небом, в котором он

терялся. Их кровь была упреком в том, что он не спас их. Их мертвые глаза и растерзанные тела зывали о мести. Их души молили: «Останови...»

Кем был он? Он был лишь болью. Сосредоточением ее. Все, что он знал, — это только то, что жив. Если бы он не был жив, то не чувствовал бы...

Он кричал, если бы мог, если бы помнил, как кричать.

Вечность или мгновение? Спасти всех... не одного, не двоих... не шестерых... Как спасти всех? Как не видеть их глаз, что с упреком смотрят? Как остановить...

Пламя пожрало его в очередной раз, и вновь остался лишь пепел, который помнил... И вдруг... впервые за вечность или за мгновение... не огонь — копьё из льда пронзило его.

Он задохнулся. Он втягивал в себя туман, широко, словно выброшенная на берег рыба, открывая рот... И туман отступил, стал потрескивать и рассеиваться. Отступило пламя, оставляя лишь холод, пронзающий насквозь, сковывающий движения, и тьму, застилающую все вокруг.

Он вспомнил, что его зовут Вирд... Это имя дали ему отец с матерью... Он вспомнил, что он должен был быть сейчас в Шеалсоне — небольшом тарийском городе. Здесь Мастер Гани Наэль и Мастер Хатин Кодонак... Но это был не Шеалсон... Это была не Тария... И не Ара... Где он?

Пламя и туман ушли, но холод и тьма сменили их, доставляя едва ли меньшие мучения.

Вирд осмотрелся, его глаза начали видеть не сразу. Он был в каком-то странном месте, смутно знакомом. Вокруг на север и юг, запад и восток простиралась белая снежная пустыня. Была ночь, и в небе сияли звезды. Холод, царивший здесь, нельзя сравнить ни с чем, ощущаемым им когда-либо до сих пор. Мороз настолько силен, что руки и ноги отказываются двигаться, его шелковый кам превратился в лист железа. Воздух, проникая вовнутрь, обжигает легкие. Вирд хотел уйти из этого места, но не мог...

Согреться. Он призвал Дар, новый, тот, что открыл в нем Мастер Кодонак — Дар Огня. И пламя, заключенное в прозрачную сферу, из солнечного сплетения тонкой струйкой

потянулось к его пальцам и устремилось наружу. Вирд разжег оранжевый костер, дававший тепло.

Он прикрыл глаза, наслаждаясь... Холод, останавливающий течение крови в жилах, наконец отпустил его. Тьма сделала шаг назад, и свет пламени, отражаясь от белой земли, отвоевал пространство вокруг Вирда. Боли больше не было. Какое же неописуемое наслаждение — отсутствие боли!

Пламя горело жарко, и вскоре толстый слой снега и льда под ним стал таять, оседая, и Вирд вместе с костром опускался ниже и ниже, пока не достиг прозрачной поверхности. Он испугался было, что эта поверхность — лед над толщей воды. Если огонь растопит его, Вирд, не способный сейчас к перемещению, утонет. Но прозрачная поверхность держала и его и пламя — и не таяла.

Вирд вгляделся в освобожденную от снега твердь под ногами — отблеск его костра играл на темных силуэтах внизу, под ним. Вирд лег и всмотрелся: строения... дома... Это город в снегах! Тот самый город под куполом! А он сейчас стоит прямо на этом куполе. Только огней, что освещали город когда-то, нет! Город покинут и мертв.словно высохшие кости, стояли под куполом и под толщей снега и льда над ним построенные когда-то Мастерами Силы дома, башни и дворцы... Вирд прислонил обе руки к своду и послал огонек — свет родился внутри, под прозрачной поверхностью, поплыл, освещая пространство вокруг. Вирд был слаб, он чувствовал, что на создание согревающего пламени потратил очень много сил, тем более что не оправился еще от той боли... Сколько она длилась: вечность или мгновение? От этого огонек был тусклым и мерцал, но продолжал плыть, выхватывая из черных лап тьмы и смертельного покоя белые камни, узорчатые стены, шпили башен, балконы и террасы... Прямо под Вирдом находилось странное, не похожее на другие сооружение — черный, не отражающий отблеск его огонька, а будто бы поглощающий свет прямоугольник с четкими гранями. На верхней грани — пробоина, словно кто-то вырвался изнутри, оставив за собой эту дыру. Вирд как зачарованный вглядывался во тьму, что открывала пробоина, а затем отпрянул с отвращением и ужасом. Ему пока-

залось, что он чувствует запах крови. Как в тех снах... И тот же животный страх сковал его.

Вирд содрогнулся, и в это же мгновение его огонек внизу погас. Он уже не видел, что там — в покинутом городе. Пламя, горевшее до сих пор ровно, тоже замерцало, и холод вновь пробился к Вирду. Огонь стал гаснуть. Как ни пытался Вирд, но не мог удержать его... Снова пришел туман и с ним — боль... И вновь ничего, кроме боли, не осталось...

Вирд открыл глаза, но не разглядел ничего вокруг. Желтая мгла и ветер... «Желтая мгла — это песок», — понял Вирд. Мелкие как пыль песчинки попадали ему в нос, рот, глаза, уши... Вирд лежал, наполовину погребенный. Он вскочил, прикрывая лицо длинной полой кама, а ветер продолжал хлестать его острыми струйками песка, словно плетью.

Вирд побрел, его ноги увязали в зыбучей массе почти по самые колени. Ни впереди, ни позади него ничего не видно. Ветер вздымает в небо огромные желтые облака, свистит над Вирдом, пытаясь сбить его, и так едва стоявшего на подгибающихся ногах. Ему нечем дышать, он чувствует сильную жажду, и живот от голода, казалось, прилип к позвоночнику, но боли... той боли сейчас нет.

Вирд спускался куда-то вниз, он выбрал это направление просто потому, что так легче идти. Земля уходила у него из-под ног, от голода тошнота подступала к горлу, песок хрустел на зубах. Он спустился с холма, дальше нужно было взбираться вверх. Вирд понимал, что должен идти, иначе песок занесет его... Он должен идти... Но сил не осталось, никакой из его Даров не откликнулся, все его Пути Силы словно замело песком.

Вокруг все закружилось, Вирд упал на колени, затем медленно стал заваливаться на бок. Тело больше не слушалось его, как и Сила. Когда глаза уже закрывались, он разглядел среди желтой массы обнажившийся угол черного, как сама тьма, предмета.

Туман и боль...

Вирд не знал, на самом деле он перемещается в эти места — город под куполом, песчаная буря... — или это снится

ему. Но предел его выносливости уже достигнут. Единственное, чему он радовался, когда попадал в новое место, это то, что боль отступала, не терзая его, и он мог думать о чем-то другом, кроме нее. Даже холод, от которого стынет кровь, невыносимая жажда, тошнота или забивающая дыхательные пути пыль — все же лучше, чем боль.

В этот раз, открыв глаза, он увидел над собою пожелтевшие кроны деревьев. Он вдохнул свежий воздух. Вирд не чувствовал ни сильного холода, ни удушающей жары. Был день, ярко светило солнце, а по синему-синему небу бежали белые облака. Вирд дышал с наслаждением. Он был настолько слаб, что с трудом мог пошевелиться. Ему хотелось остаться лежать так вечно, не двигаясь и не испытывая боли.

Вирд повернул голову: надгробие... Подобные каменные надгробия были и дальше, они окружали его со всех сторон. Когда-то давно, еще до Ары, он уже видел такое место — это кладбище, тут тарийцы хоронят своих мертвых. Он среди мертвых! Вирд вскочил бы, но нашел в себе силы только медленно приподняться. Кладбище простиралось вокруг во все стороны света. Он не видел его краев. И он был один среди могил, истерзанный болью, истощением, своим собственным Даром, умирающий, но живой! Здесь было пусто и тихо, и здесь было... хорошо... Последняя мысль привела Вирда в ужас и добавила ему кроху силы: на кладбище хорошо лишь мертвому, а он — живой! Хоть и не чувствует боли! Он живой!

Вирд встал и, пошатываясь, побрел меж могил, невольно вглядываясь в имена. Когда-то давно он умел читать, и сегодня тарийские слова, выведенные затейливыми завитушками, линиями и точками, обретали для него смысл. Внутри в солнечном сплетении что-то замерцало, фиолетовая мгла заполнила всего Вирда, и в ней стали загораться золотые звезды, которые каждый раз, когда он читал имя на надгробии, разрастались, превращаясь в лица людей: старые и молодые, красивые и отталкивающие, улыбающиеся и искаженные от гнева. Вирд брел, читая имя за именем, пока вдруг одно лицо не привлекло его внимание. Он остановился над могилой, вокруг которой росли голубые цветы. Он прочел имя еще раз и упал перед ней на колени.

«Лисиль Фаэль». Вирд читал имя вновь и вновь только для того, чтобы снова увидеть ее лицо... Лицо его матери. Она улыбалась...

А Вирд плакал, согнувшись и припав к пожелтевшей траве и голубым цветам вокруг могилы. Его губы бесконечно повторяли: «Лисиль Фаэль... Лисиль Фаэль...» И она улыбалась. Казалось, он мог протянуть руку и дотронуться до ее щеки... «Мама... мама!»

— Ты ее знал? — спросил кто-то тихим голосом. Вирд вздрогнул и обернулся. Сколько времени прошло с тех пор, как он нашел могилу своей матери? Как долго он здесь?

За его спиной стояла пожилая женщина, седая, одетая в длинное синее платье, с накинутой на плечи серой шалью. Вокруг ее глаз застыло множество морщинок, делавших взгляд ласковым и необычайно теплым.

— Ты не отсюда, юноша?

— Как она умерла? — спросил Вирд то единственное, что его сейчас волновало.

— Лисиль? — Женщина перестала улыбаться, и складка пролегла у нее между бровями. — Она ненадолго пережила мужа. Так ты знал ее?

— Она моя мама... — ответил Вирд.

Женщина окинула его тревожным, недоверчивым взглядом.

— Пожалуйста... — попросил Вирд, слезы застилали глаза. — Расскажите.

— Ты ее сын? — Голос женщины немного потеплел. — Ты выглядишь очень... измученным. Наверное, пришел издалека?

— Да.

— Тогда давай сядем вот здесь. — Женщина взяла его за руку, отвела к дереву, под которым находилась скамейка; она присела и потянула Вирда, чтобы тот тоже сел.

Как только он коснулся скамьи, напряжение в теле сменилось такой слабостью, что он пошатнулся и едва не свалился на землю. Женщина удержала его удивительно сильными руками, прислонив к спинке скамьи. Вирд смог взять

себя в руки и выпрямиться только потому, что хотел выслушать ее рассказ, хотел этого сейчас больше, чем даже пить.

— Пожалуйста... — прошептал он пересохшими губами.

— Она приехала сюда через месяц после смерти мужа, — несмело начала женщина, все еще недоверчиво поглядывая на него. — Она ждала... тебя, наверное, раз ты ее сын... Ей кто-то обещал, что привезет тебя сюда. Она поселилась у меня в доме, и мы подружились. Но... Лисиль никогда не рассказывала, почему она разлучилась с сыном. И о своем муже она не рассказывала... только то, что он умер. Она прождала месяц. Затем тяжело заболела, и... даже столичный Целитель — Мастер Силы, не смог ей помочь.

— Кто?! — Голос Вирда прозвучал жестко, даже грубо.

— Кто? — переспросила женщина.

— Кто этот Целитель?

— Целитель... Сам Советник Ках!

Вирд застонал...

Женщина изумленно посмотрела на него, но продолжила:

— Я удивилась, что есть болезни, не подвластные его Силе...

— Что это за город? — перебил Вирд. — Тайрен?

— Почему Тайрен? — удивилась женщина. — Тайрен далеко на юго-западе... Это Аштайрис. Тебе плохо?

Вирд заваливался на скамью. Опять боль... невыносимая боль... и туман...

Глава 2 НОВЫЙ ДОМ

Итин Этаналь

Итин открыл дверь своего нового дома. Он с сомнением, неуверенно сделал шаг через порог. Дом хорош, слишком для него хорош, его строил Архитектор Силы: не такой, как Тотиль, конечно, но талантливый — дом вышел красивым и уютным, в нем царила своя неповторимая атмосфера, что хранила память и о своем создателе, и о хозяевах этих стен — Одаренных, живших здесь раньше. Чем он заслужил

дом на улице Мудрых? И хотя Советник Абвэн все объяснял ему, Итину верилось в это с трудом. Он чувствовал себя так, словно кому-то другому принадлежали почести и привилегии, а он пользуется ими.

Две недели назад в двери его старого маленького домика по улице Певцов постучали. На пороге стоял не кто иной, как Советник Карей Абвэн. И Абвэн, как всегда, был великолепен: ярко-желтый кам с красной окантовкой, из тонкого шелка, несмотря на прохладную погоду (но вряд ли Мастер Перемещений долго находился на улице), туфли из блестящей черной кожи с отделкой из золотых лун и жемчужных звезд; длинные, ниспадающие мягкими волнами ниже бедер роскошные каштановые волосы, подтянутая широкоплечая фигура, удивительно синие глаза. Он двигался легко и изящно, все его жесты — словно элементы сложного танца. Чуть больше года назад Итин видел Абвэна во Дворце Огней, где ему, как закончившему обучение юному Строителю, повязывали д'каж; казалось, что с тех пор движения Советника стали еще более плавными и в них появилась некая опасность, присущая движениям боевых Мастеров. Итин, глядя на гостя, сгорбился и втянул голову в плечи, невольно сравнивая себя с этим мужчиной и чувствуя свое несовершенство. Впрочем, в таком сравнении проиграл бы, пожалуй, любой.

— Входите, Советник Абвэн, — приветствовал его Итин, склонив голову.

Абвэн вошел, улыбаясь и осматриваясь по сторонам. Итин предложил ему сесть, ломая голову: зачем пожаловал один из Семи? И мысль приходила только одна: снова дело Кодонака... Рассказать бы Алсо, к скольким неприятностям привел его совет следовать велению сердца...

— Новый Тотиль? — неожиданно спросил Абвэн, а Итин, который собирался предложить гостю чаю или вина, так и застыл посреди комнаты, вглядываясь в лицо Советника — правильно ли он расслышал?

Абвэн продолжал непринужденно улыбаться.

— Не смущайтесь, Мастер Этаналь! — сказал он мягким, как шелк его кама, голосом. — Вам нужно гордиться, а не смущаться.

Итин рухнул в кресло напротив Абвэна.

— Я узнал кое-что интересное. И вы понимаете, что для меня, как для Мастера Перемещений, не так долго проверить сведения. — Его взгляд излучал доброжелательность и понимание. «Я знаю, что ты чувствуешь сейчас. Я знаю о том, что ты сделал, и понимаю, почему ты это сделал. Я бы поступил так же на твоём месте», — говорили его синие глаза. Это тот человек, которому можно доверять. Но как он узнал?

Видя недоумение Итина, Советник беззлобно рассмеялся и продолжил:

— Я поясню. От Мастеров Строителей я услышал о башне под названием «Песнь горного ветра». Вижу по вашей реакции, что башня вам небезызвестна. Как один из Семи, обязанность которых — находить и поддерживать всех, в ком Дар, а тем паче — Дар особый, я заинтересовался строением, о котором Мастера Силы говорили с таким восторгом. Я переместился к этой горе Волков, чтобы увидеть сотворенное чудо собственными глазами, и не пожалел потраченных сил и времени. Скажу больше — даже если бы мне пришлось добираться туда несколько недель, как обычному человеку, не имеющему под рукой тумана перемещений, то оно того стоило бы: величественное строение — достойное центра Города Огней! «Песнь горного ветра» сказала мне об одном... — он сделал паузу, подавшись вперед и глядя прямо в глаза Итину, тот не смог выдержать его взгляда и вперился в пол, — у нас появился новый Тотиль! Не знаю, зачем вы хотели это скрыть и как вам удавалось прятать свой истинный Дар столько лет. Не знаю, почему вашей башни нет на том берегу Тасии-Тар. Но позволить вам продолжать в том же духе, скрывая Силу от Совета и Тарии, я не мог.

— Я не хотел скрывать... — пролепетал Итин, остро ощущая вину.

— Я верю, — вновь по-доброму усмехнулся Абвэн. — Если ваш Дар и подобен Дару Тотили, это не означает, что у вас должен быть его характер. Я понял, что вы, Мастер Этаналь, скромны, в отличие от создателя Кружевного моста, который доводил до белого каления неодаренных Мастеров Строителей. Кстати, ваш мост я тоже видел. И пожалел, что

он не в Городе Семи Огней, — достойная конкуренция кружевному чуду руки Тотиля.

— Как вы узнали, что это я... построил башню?.. — Голос не слушался Итина, эти слова прозвучали слишком тихо и сдавленно.

— Очень просто: я расспросил горцев.

Итин удивился. «А горцы-то откуда знали?»

— Горцы, — ответил Абвэн на его не заданный вслух вопрос, — знают о горах все. Они хором называли мне ваше имя. «Долгожитель Итин! — сказали они. — Он пошел на гору Волков один, поймал ветер за крылья и заставил его петь. Он взял силу камня и красоту вершины, он соткал облака и приказал морозу разрисовать стены. Духи волков и оленей, цветов и деревьев оставили отпечаток в камне. Все, что помнил ветер, летая меж гор, он спел, а Долгожитель Итин превратил в камень его песню». Красиво. Хотя это только часть того, что они сказали. Остальное я не разобрал, как ни старался.

Это похоже на горцев.

— Я так понимаю, что это не вы, а горцы дали имя башне?

Итин кивнул.

— Хорошее имя. Но вернемся к вам, Мастер Этаналь. Вы имеете особый Дар, достаточно редкий, притом Дар яркий настолько, что вас заслуженно сравнивают с Тотилем. Ведь это не я первый провел такую параллель, и не я последний. Совет ожидал достойного Архитектора Силы уже достаточно долго, чтобы суметь не позволить вашему смущению и скромности преодолеть ваш Дар. С этого дня вы, Мастер Итин Этаналь, будете получать заказы от Совета и строить по велению своего Дара нечто более прекрасное, нежели дороги в горах. А ведь не узнай я обо всем вовремя, в Сиодар появился бы новый Город Огней, втихомолку возведенный вами.

Итин молчал, а Абвэн снисходительно улыбался.

— Вы готовы выполнить первый заказ? — наконец спросил он, и Итин кивнул.

— Дворец на берегу озера Баил в рощах Ухта. Совету нужна выездная резиденция.

Итин снова кивнул.

— И еще, — продолжал Советник, — у вас теперь новое содержание и, — он окинул неодобрительным взглядом стены его жилища, — вам нужен новый дом.

— Не стоит, — решил ответить Итин. — Если после всего... если у меня вдруг появится другой дом... все подумают, что...

— Что это из-за вашего свидетельства о Кодонаке? — закончил за него Абвэн.

Итину только и осталось, что вновь кивнуть, — если так пойдет и дальше, Советник подумает, будто ему сложно дается человеческая речь...

— Не волнуйтесь об этом. Кто-то беспокоит вас?

— Нет, — Итин ответил быстро и твердо.

— Совет мог бы выделить охрану.

— Нет!

— Как изволите; я хотел бы, чтобы вы были в безопасности. К строительству приступите с завтрашнего дня. Я пришлю за вами Мастера Перемещений, который доставит вас на место.

— А какие пожелания?

— Пожелания?

— Да. Что хотел бы увидеть Совет в этом строении?

Абвэн рассмеялся:

— Наши пожелания таковы... — Произнося следующую фразу, Абвэн наклонился к Итину, понизил голос до вкрадчивого шепота и перешел на «ты»: — Поймай местный ветер за хвост и заставь его петь.

Он продолжил после длинной паузы:

— А насчет вашего дома пожелания Совета... скорее даже — распоряжения однозначны: после возведения резиденции вы переезжаете на улицу Мудрых. Там есть для вас подходящий дом.

— Но...

— Никаких «но», Мастер Этаналь! Завтра вы отправляетесь строить замок, а как только закончите — переедете в новый дом.

Итин ответил робким молчаливым согласием.

— Кто жил там до меня? — почему-то спросил он после небольшой паузы, когда Советник уже поднялся, чтобы уходить.

ГЛОССАРИЙ

Академия Силы

Академия, в которой обучаются Одаренные. Здание находится в центре Пятилистника, имеет округлую в плане форму, каждый этаж меньше нижерасположенного по площади, последний этаж заканчивается куполом в виде полусферы. Обучение длится десять лет. В виде исключения, по единогласному решению Малого Совета, обучение может быть закончено раньше. По окончании Одаренный получает звание Мастера Силы и д'каж.

Астамисас

Материк, на котором расположены Тария и Ара.

Боевой и мирный Дар (Путь)

Все направления, в которых действуют Одаренные, делятся на боевые и мирные. Мирных проявлений Дара больше. Боевые встречаются намного реже, и они не настолько разнообразны. Есть очень редкие Пути, которые не классифицируются, как, например, Мастер Огней.

Обладающие одним основным боевым Даром обычно могут пользоваться и всеми сопутствующими (Дар Оружейника — исключение).

Боевые Пути — это Дар Оружия (владения разнообразными видами оружия без специальной подготовки), Дар создания оружия, Дар Стратегии (умение руководить битвой) и Дар Стихий (Разрушение) — умение использовать природные силы (кроме огня и молний) для разрушения. Если Дар использует эти же силы для созидания, то Одаренного называют Мастер Строитель и это мирный Путь. Мастер Архитектор действует в том же направлении, но в основном для создания зданий и сооружений, отличающихся особенной эстетической красотой. Архитектор всегда имеет сопутствующие Дары Скульптора и Художника.

Браслет Мастера

Выпускники Пятилистника, становясь Мастерами, получают серебряный браслет с изображениями, символизирующими их род занятий. Носится на левой руке.

Город Семи Огней

Столица Тарии. Известно, что город был основан шесть тысяч лет назад семью Мастерами Огней. Они и составили первый Совет Семи. Верховный (Председатель) и Большой Совет тогда еще не избирались. В Городе Семи Огней проживает наибольшее количество Одаренных. Здесь они могут получить образование и научиться контролировать Дар в Академии Силы. Обучение любого тарийского Одаренного в Академии обязательно, как и последующая его служба Тарии. Одаренные принимаются на государственную службу сразу после окончания Академии Силы и полностью содержатся государством. У них очень хорошее обеспечение. Город Семи Огней могут называть также Город Огней, Город. Гражданство Города Семи Огней может быть получено по наследству и при окончании Академии Пятилистника. Одаренные же получают гражданство автоматически, поэтому Город Семи Огней называют еще «Домом Одаренных».

Д'каж

Кожаная налобная повязка, окрашенная в традиционный для Одаренных Тарии синий цвет, с изображенными на ней символами, означающими направление Дара. Одаренный получает ее в день окончания Академии Силы, когда становится Мастером. Повязать д'каж может только Советник из Семи в присутствии остальных членов Малого Совета и при их согласии.

Жезл повелений

Символ власти рабовладельца. Имеет определенную связь с ошейником эффа. Эфф приносит голову раба, за которым его послали, именно тому, у кого находится Жезл повелений. Если хозяин отлучался, он мог оставить Жезл повелений кому-нибудь из слуг.

Золотой Корпус

Воинское формирование из Одаренных, имеющих боевой Дар.

Искра

Мелкая монета, имеющая хождение в Тарии. Десять искр составляли медный жар, десять жаров — серебряный огонек. Самой крупной золотой монетой было пламя.

Кам

Дорогая мужская одежда, распространенная в Тарии среди обеспеченных людей, особенно в Городе Семи Огней. Представляет собой длиннополый, до щиколоток, камзол, с начинающимися от бедер четырьмя вырезами: по бокам, сзади и спереди, с рукавами как узкими, так и расширенными или имеющими разрезы, плотно

застегивающийся, чаще всего с высоким воротником-стойкой. Шился из сукна, шерсти или плотного шелка. Украшался вышивкой. Носится поверх туники и свободных, стянутых на щиколотках штанов.

Кобра Ары

Символ Ары, изображение на гербе и на знамени.

Кобра Ары изображается обычно в красных тонах на желтом фоне в атакующей позиции.

Символически — в форме восходящей спирали.

Корона Мудрости

Головной убор Мудрецов Чатана, желтого цвета, трапециевидной формы, расширяющийся кверху, с символическим изображением кобры Ары.

К'Хаэль

Вежливое обращение к рабовладельцу в Аре. На древнеарайском означает «хозяин». К женщинам обращаются к'Хаиль — «хозяйка».

Мастер

Звание, получаемое при окончании одной из Академий Пятилистника или Академии Силы. Отучившиеся Одаренные получают звание Мастера Силы. К слову Мастер добавляется слово, указывающее на род деятельности: Мастер Музыкант, Мастер Архитектор, Мастер Ювелир и т. п. Когда речь идет об Одаренных, за словом Мастер и названием рода деятельности обычно следует слово «Силы»: Мастер Архитектор Силы. Его не применяют, когда всем известно, что этот человек — Одаренный.

При общении между собой Одаренные тоже используют только слово «Мастер» без добавления «Силы».

Мастер Огней (Огненосец, Повелитель Огня)

Очень редкое направление Дара. Предполагает работу с огнем, светом и молниями. Относится как к боевым Путям, так и к мирным. Очень ценятся среди Одаренных-воинов, так как они могут сжигать на расстоянии сооружения или живую силу противника, а также могут убивать молнией. Мастер Огней может создавать как светильники (они дают только свет), так и негаснущий огонь, излучающий тепло: и то и другое способно гореть долгие годы без топлива.

Мастер Путей

Одаренный, чей Дар не имеет ограниченного направления, а может проявляться в любой сфере, как в мирной, так и в военной. Проявление исключительно редкое. Единственный известный

Мастер Путей — Астри Масэнэсс — жил, по неточным сведениям, в Тарии пять тысяч лет назад, и о нем известно только из сказок и легенд. До сих пор официально считалось, что Мастер Путей — это выдумка. Символ Мастера Путей — человек с крыльями, держащий меч — символ разрушения — в одной руке и Свет — символ созидания — в другой. Владеет всеми возможными проявлениями Силы, в том числе и огнем.

Мастер Судеб

Создатель, Творец.

Мудрецы Чатана (Персты Света, Хранители Кобры)

Организация, подобная Совету Города Семи Огней, но не имеющая подобной власти; держится более обособленно от императора и не руководит им. Среди Мудрецов встречаются Одаренные, но не все Мудрецы — из них. В арайцах проявление Дара более ограничено, чем в тарийцах. Пути Силы действуют лишь в нескольких направлениях, возможно, это связано с наследственностью. Считается, что предки арайцев, имеющие Силу, создали эффов. Большинство из Одаренных Мудрецов расположены именно к работе с этими существами и к Дару исцеления. Другие Дары практически не встречаются.

Мудрецы Чатана носят длинные завитые бороды и стригут коротко волосы, в отличие от тарийских Одаренных, которые, наоборот, отрачивают волосы и тщательно бреются.

Мудрецами становились 10 человек (только мужчины), по числу пальцев на руке. Каждый носил звание определенного перста правой или левой руки. Правая рука имела преимущество над левой. Среди Мудрецов имела место строгая иерархия, Главой Мудрецов был Указующий Перст (указательный палец) правой руки, его заместителем был Указующий Перст левой руки (коротко — Левый Указующий), затем следовали правый и левый Поддерживающие Персты (большие пальцы), затем Средние — Уравновешивающие Персты (Персты Порядка), Исцеляющие Персты (безымянные пальцы), Младшие братья (мизинцы).

Одаренные (в простонародье — Отмеченные, или меченые, в Аре — Долгожители)

Люди, отмеченные Даром. Те, в ком проявлялась Сила — сверхъестественные способности.

Способности проявляются обычно в каком-то одном направлении.